Газарос Агаян

Арегназан

В давние времена, когда мир был полон чудес, и когда добрые и злые духи постоянно вели между собой войну, у подножия Масиса жил один старый князь по имени Арман. У Армана было трое детей, оставшихся без матери. Две девочки, одна красивей другой, а кем был третий ребенок, еще более прекрасный, чем две сестры, добрые духи на какой-то срок утаили от людей. Сделали это добрые духи ради какой-то им одним известной цели. Лишь позже, когда пришло бы время, ребенок должен был стать или девочкой, или мальчиком. Арман не отделял его от девочек и всех трех одевал в девичью одежду

- Пусть и этот ребенок считается девочкой, пока не исполнится воля добрых духов, - говорил он и назвал его Арегназан, для единообразия, потому что одну девочку звали Заназан, а вторую - Зарманазан.

Арегназан росла, как девочка, и, хотя была уверена, что она девочка, и самая красивая среди сестер, всей душой ненавидела все то, что подобает девушкам. Она не любила чесать шерсть, прясть или кроить и шить, но, когда видела хорошего коня или доспехи, теряла от восторга голову. Матери у нее не было, которая бы ее учила хозяйничать, а отец, словно нарочно, не только не заботился об этом, но и брал Арегназан с собой на охоту, учил скакать на коне, пользоваться оружием.

Так прошло некоторое время, и однажды Арман позвал к себе своих детей и сказал:

- Я служил нашему доброму царю, и он очень меня любил. Все эти поля и леса, горы и ущелья, которые сейчас принадлежат нам, царь подарил мне за верную службу. Когда ваша мать умерла, я пережил страшное горе. Я переехал в эти тихие края и, чтобы забыться, предался охоте. Теперь вы выросли, а я постарел. Вы здесь растете, как дикие лани. Что будет с вами, когда останетесь

без меня? Конечно, ничего хорошего. Чтоб избавить вас от будущих бед, я решил кого-нибудь из вас в одежде юноши послать на службу к царю. Царь радушно примет моего наследника и определит его на службу. Тогда и остальные смогут устроиться во дворце. Кто из вас хочет поехать?

- Я поеду, отец, - сказала старшая дочь.

- Я тоже, отец, я тоже, - вмешалась средняя. Арегназан молчала.

- А ты, Назаник, ты не хочешь ехать? - спросил отец у Арегназан, точно он хотел, чтобы поехала именно она.

- Конечно, хочу, отец. Но если этого хотят мои старшие сестры, как я могу им мешать?!

- Для меня вы все равны, но я еще не знаю, кто из вас больше подходит для этого.

- Больше всех подхожу я, отец, - сказала старшая, - потому что я самая старшая.

- Очень хорошо, но я без испытания ни одну из вас не пошлю. Пойди переоденься, выбери доспехи, рано утром оседлай коня и поезжай на охоту. Если вернешься не с пустыми руками, к царю пошлю тебя.

На следующее утро старшая дочь, как и наказывал отец, отправилась на охоту. Когда она въехала в глубокое ущелье и хотела его пересечь, перед нею появился вооруженный с ног до головы всадник в маске. Увидев его, девушка так испугалась, что чуть не лишилась дара речи, встала как вкопанная, не смогла даже убежать. Всадник приблизился к ней и сказал:

- Эй, юноша, всадник прекрасный, куда ты собрался чуть свет? Что с теплой постели поднялся, другой тебе радости нет? Девушка, заикаясь, ответила: - Я еду… не знаю, куда… Нет… никуда не еду… Да, да, собираюсь в путь… Мне нельзя назад повернуть. Всадник сказал угрожающе: - Куда же, куда же ты едешь, бежишь из родного села? Вернись, а не то пожалеешь, покуда цела голова!..

Говоря это, всадник достал меч и поднял, чтобы ударить девушку, но она вскричала: - Вай, вай, не бей, не бей, я девушка, девушка, сейчас же вернусь

домой. - Раз ты девушка, то возвращайся домой, корми кур. Недостаточно носить мужскую одежду, надо еще иметь мужское сердце. «Хорошо, что ты встретила меня, а не кого-либо другого,» - сказал всадник и исчез.

Девушка, вся дрожа, вернулась домой.

- Ну… где же твоя дичь? - спросил отец. - Почему ты вернулась так быстро?

- В пути я почувствовала жар, отец, у меня болит голова, - ответила девушка.

На следующий день Арман послал среднюю. Она, как и ее сестра, повстречалась с грозным всадником, испугалась, как и та, и прискакала домой.

На третий день отец послал Арегназан. И ей также повстречался тот же всадник и сказал:

- Эй, юноша, всадник прекрасный, куда ты собрался чуть свет? Что с теплой постели поднялся, другой тебе радости пет? Арегназан ответила, рассердившись: - Отстань от меня, незнакомец, я знаю, куда мне идти, я добрых людей не обижу, не встану у них па пути/

- Ты хочешь сказать, я разбойник? А ты бы подумал сперва, придется с тобой расквитаться за дерзкие эти слова!

- О том, что ты вор и разбойник, сказало обличье твое, но трус ты иль храбрый мужчина, пусть мне растолкует копье.

С этими словами Арегназан напала на всадника, говоря:

- Отбрось маску, я хочу увидеть, что ты за человек. А не то сейчас же снесу тебе голову.

Всадник стал сопротивляться и нападать на Арегназан. Арегназан защищалась щитом и мечом наносила удары. Их бой длился целый час, и ни один из них не мог поразить другого. Но Арегназан становилась все сильнее, а ее противник - все слабее. Наконец Арегназан ловко спрыгнула с коня, схватила противника за ворот, сбросила наземь и хотела было ударом снести ему голову, как тот сорвал свою маску…

- Ах, отец, отец! - воскликнула Арегназан. - В какую беду ты должен был ввергнуть меня!.. Если бы ты чуть помедлил, я бы стала отцеубийцей.

Отец посадил Арегназан рядом с собой и, глядя на нее с любовью и нежностью, сказал:

- Ты умница, гордись, Арегназан, расти, цвети, хорошая моя, теперь я знаю, что достойна ты сменить на троне старого царя. Не зря тебя я, видно, научил носить доспехи, и скакать в седле, ведь я тебя сильнее всех любил, ты для меня всех лучше на земле.

Сказал я: в люди выведу ее, ей сыном быть, наследником моим. Подходит сердце храброе твое мужчине, что всегда невозмутим. Отныне ты не девушка - боец, отцовских слов в пути не растеряй, добейся славы, счастье заслужи и никому ни в чем не уступай. Теперь иди, сыночек мой, иди, благословляю твой нелегкий путь. Будь добр и честен и велик душой и моего наказа не забудь.

Когда Арегназан явилась к царю и сказала ему, что она сын Армана, царь очень обрадовался.

- Я думал, - сказал царь, - что у нашего Армана нет взрослого сына. Как тебя зовут, юноша?

- Арег - слуга твой, государь.

- Арег… прекрасное имя и очень тебе подходит. Здесь тебе будет хорошо, сын мой. Я всегда помогу тебе, если с тобой случится беда или что-то тебе понадобится. А теперь пойди отдохни. Завтра мы собираемся на охоту, поедешь с нами.

У царя была единственная дочь по имени Нунуфар. Она была так красива, словно говорила солнцу: «Ты не восходи - взойду я».

Когда царь говорил с Арегназан, Нунуфар из-за занавески тайком смотрела на него и млела от восхищения.

«Это точь-в-точь тот юноша, которого я не раз видела во сне», - думала Нунуфар.

На следующее утро раздались звуки охотничьих рожков. Более тысячи всадников выехали на охоту, все были вооружены тугими луками и длинными стрелами, железными копьями и другим оружием. С

собой взяли овчарок, борзых, соколов… и все необходимое для охоты. Доехали до просторной лужайки, окруженной со всех сторон густыми лесами. Сюда согнали животных со всего леса, окружили и стали безжалостно убивать. Арегназан не отходила от царя. Случилось так, что конь царя, испугавшись чего-то, встал на дыбы, сбросил царя на землю и ускакал. Царь остался невредимым, но неожиданно оказался перед медведем. Поднявшись на задние лапы, медведь с ревом пошел на царя и вот-вот должен был подмять его под себя. Арегназан увидела это, вмиг домчалась до медведя и одним ударом меча разрубила голову свирепому зверю. Царь был спасен, и Арег стал героем этого дня.

- «Вот счастливый… Почему не я оказался рядом с царем», - говорили многие из охотников.

Весть о происшедшем событии и смелом поступке юного охотника молниеносно долетела до города. Надо было слышать, с каким ликованием встречали горожане возвращающихся охотников.

- Да здравствует царь, да здравствует храбрый Арег! - в один голос кричали все и пели: Кто царя от смерти спас, от медвежьих когтей, гей, от медвежьих когтей? Самый храбрый человек. Наш Арег. Это он, красавец наш, защитил царя царей от медвежьих когтей, гей, от медвежьих когтей… Прямо в пасть копье вонзил, голову мечом срубил, злого зверя повалил и царя освободил от медвежьих когтей, гей, от медвежьих когтей… Славься, добрый человек, здравствуй, доблестный Арег, если б не было тебя, кто б от смерти спас царя, от медвежьих когтей, гей, от медвежьих когтей…

Видя эти торжества, Арегназан думала про себя: «Ах, как хорошо быть мужчиной! Хоть бы я действительно была юношей! Разве могла бы девушка удостоиться таких почестей?..»

- Ты сегодня показал мне, Арег, на что способен,- сказал царь, - впредь ты будешь, неразлучен со мной. Молодец, сын мой, молодец! Ты удивительное существо, ведь храбрость не очень-то в ладах с красотой и юностью, но Небо

пожелало сделать для тебя исключение. Завтра выберешь себе самого быстрого из наших коней, самые лучшие доспехи. Со временем ты пополнишь ряды богатырей, ты и теперь уже юный богатырь.

Царь был очень рад, что нашел такого храбреца, а радость Нунуфар не знала границ. «Его мне послало Небо», - говорила она сама себе,- «все идет так, как хотелось бы. Но как мне увидеть его лицом к лицу? Ах, как я хочу, чтобы вот в эту минуту он был рядом со мной, мы бы поговорили, я бы сказала… он бы мне сказал… Почему бы его не позвать, почему не поговорить с ним? Отец мой любит его, как сына, потому что он сын его друга, он имеет свободный доступ во дворец. Да, да, надо его позвать».

- Эй, кто там есть? - крикнула Нунуфар. Вошла одна из служанок.

- Сейчас же пойдешь к Арегу и скажешь, чтобы пришел повидать меня…

Служанка пошла к Арегу и передала слова царевны.

- Я не могу прийти, - ответил Арег.

- Почему, господин? Она приказала, - настаивала служанка.

- Мне нечего делать у нее…

- Господин, она говорит, чтобы вы пришли повидать ее…

- Пойди скажи, что я не приду к ней…

Служанка ушла.

Когда Нунуфар узнала об отказе Арега, ее стало бросать то в холод, то в жар, она то бледнела, то краснела. Сердце Нунуфар готово было разорваться, голова раскалывалась. Она в беспокойстве металась по комнате, открывала то окно, то дверь, казалось, ее жжет огонь.

- Отказ… пренебрежение… мной, мной, о, голова моя. Голова болит, болит, болит…

- Госпожа, что ты убиваешься из-за такого пустяка? Может быть, он стесняется тебя? Когда он услышал, что ты зовешь его, смутился и покраснел, как роза. И как же он был красив!

- Говори, говори, продолжай… я не расслышала всех твоих слов… О, как я пала теперь в его глазах!..

Нунуфар долго страдала от душевных мук, ослабла и слегла в постель. Сообщили об этом царю, он навестил ее, вызвал врачей. Собрались все врачи, обнадежили царя, мол, болезнь не опасная, вскоре царевна излечится. Но болезнь Нунуфар чем дальше, тем становилась опаснее, врачи потеряли надежду и прямо сказали царю, что не могут понять причины болезни и не знают, как ее лечить.

Царь очень опечалился. Нунуфар была его единственным ребенком, единственным утешением, единственной наследницей престола. Весь дворец, весь город были в печали. Один лишь Арег остался равнодушным. Ему и в голову не приходило, что это он является единственной причиной ее болезни. Нунуфар в какой-то мере утешал и развлекал царский шут, а ухаживала за нею и заботилась вдова визиря.

У вдовы визиря был взрослый сын. И она считала, что достойным зятем царя может быть лишь ее сын и никто другой. Поэтому она ни днем ни ночью не отходила от Нунунфар, старалась вылечить ее и вместе с тем заслужить ее любовь.

- Госпожа, что ты дашь мне, чтобы я тебя вылечил? - спросил как-то вечером шут.

- Что я должна тебе дать дурак? Если знаешь какое-нибудь средство, для какого же дня его бережешь?

- Это ты хорошо сказала - такому дураку, как я, никто ничего не даст. Другое дело, если б я был глупым врачом. Погоди, я должен узнать, ты в здравом уме или твой ум рассорился с тобой и переселился в голову кого-либо другого?

- Как же ты должен это узнать?

- А вот как. Если из десяти возьмешь два, можешь ли снова сделать десять?

- Почему нет? Из десяти отнимем два, станет восемь, к восьми прибавим два - снова станет десять.

- А как это возможно? Если от десяти оторвешь два, как же сможешь склеить? Вот если отрезать тебе руку, затем снова ее приложить, разве склеится?..

- Это не так, дурак. Если у тебя будет десять яблок и два из них ты съешь, не останется ли восемь? Теперь, если эта госпожа даст два яблока, ты прибавишь к остальным, и у тебя снова будет десять яблок.

- Да, теперь я понял. Значит, ты считаешь, что вместо съеденных яблок можно положить другие яблоки.

- Конечно, можно.

- А я считаю так: съеденное останется съеденным, потерянное - потерянным, умершее - умершим, они больше не вернутся. Знаешь, почему эта госпожа осталась одна? Она имела мужа, он умер. Раньше она и ее муж составляли пару. Теперь, если к ней прибавим другого человека, снова будет пара. Но прежний был визирем, царство ему небесное, считался умным человеком, а новый пусть будет шутом, который считается дураком. Ведь это не помешает нашему счету: госпожа, которая сейчас одна, снова будет в паре.

- Это не твоя забота, дурак, - сказала вдова визиря. - Если знаешь лекарство для своей повелительницы, вылечи ее, а я пусть останусь одна…

- Госпожа, моя повелительница одна, у нее не убавилось никого, но она хочет быть с кем-то вдвоем… Я сейчас думаю, как мне найти для нее такого «одного», чтобы, будучи с ним в паре, она осталась нашей прежней Нунуфар.

Шут приложил палец ко лбу и, немного подумав, воскликнул:

- Выведал я, в нашем дворце юноша есть, дивный такой, если девица встретит его, то потеряет сон и покой. Дурак я, дурак, все мне не так, кто бы сказал, что царство я обошел и отыскал для госпожи лекарство. Ярайлали, шарайлали, айда, дурак, вали…

Дурак спел и, подпрыгнув несколько раз, убежал.

Вдова визиря смекнула, что это значит, и расстроилась: «Только сейчас я поняла все, - подумала она. -Дурак спутал все мои расчеты. Ну, хорошо, я твоего Арега отошлю в такое место, чтобы он сгинул безвозвратно» …

- Наш дурак не так глуп, как кажется, - сказала она Нунуфар.

- Да, но на этот раз он очень поглупел, - ответила Нунуфар.

На следующее утро вдова визиря раньше всех пришла к царю.

- Что нового, как здоровье моей дочери? - спросил царь.

- Все так же, царь-государь, как ты видел. Я пришла сообщить тебе радостную весть.

- Какая весть? Говори скорее. Может быть, она касается моей дочери? Никакая иная весть не может меня порадовать.

- Да, да. Сегодня ночью мне приснилась наша царица и сказала мне, что единственное лекарство для Нунуфар - живая вода.

- Жи-ва-я во-да!.. - воскликнул царь. - Но кто может привезти эту живую воду, которую мы никогда не видели?

- Я спросила об этом царицу, и она сказала, что ее может привезти только Арег…

- Арег?.. Хорошо, я пошлю Арега, пусть поедет и испытает свое счастье…

Царь позвал Арега и предложил ему поехать за живой водой.

- Поезжай, сын мой. Если сможешь привезти этой воды и вылечить мою дочь, я отдам ее за тебя и вместе с нею половину моего царства.

- И без этого обещания, царь-государь, я готов выполнить твой приказ, - сказал Арег. - Ты только скажи мне. где находится эта живая вода.

- Кто может знать ее место, сынок? Для этого нужен особый дар, особая благодать и сила, которыми добрые духи наделяют лишь своих избранников. Мы слышали, будто это родник, что его охраняют невидимые духи, что родник этот то появляется, то исчезает, но толком никто ничего не знает. Ты повернись лицом к востоку, ступай из страны в страну, из края в край, расспроси всех, и либо найдешь, либо нет, это зависит от твоей судьбы, твоего счастья. Но что бы ни случилось - удача или неудача, ты многое увидишь и многому научишься. Моя казна открыта для тебя, возьми с собой золота и серебра, сколько понадобится.

Арегназан отправилась в путь.

Удивительным существом была Арегназан: всегда радостная и веселая, всегда бесстрашная и беззаботная, даже попав в тяжелое положение, она не теряла присутствия духа. Она поскакала на своем коне Базике, который двух-

трехдневный путь проходил за один день. Она объездила несколько царств, всюду расспрашивала, многое повидала, смогла избежать многих бед, пока не доехала до заколдованного царства, где на каждом шагу встречала новое чудо, новое диво.

Однажды сильно припекало солнце. Когда жара изнурила Базика, Арегназан спешилась на берегу одного озера, привязала коня в густой тени, и сама села рядом, достала свои дорожные припасы и стала есть. В эту минуту она увидела стаю голубей, - они опустились на берег озера недалеко от нее. Арегназан натянула тетиву, но вдруг увидела, что все голуби сняли свои перья и, обратившись в девушек, стали купаться. Арегназан сначала опешила, но потом решила сыграть с ними шутку. Крадучись, чтобы ее не заметили, она взяла оперение одной из голубок. Это были два больших крыла и перья. Не прошло и нескольких минут, как все девушки вышли из воды, надели свои крылья и улетели, но одна, которая не нашла своих крыльев, чтобы не стоять нагой на берегу, снова бросилась в воду. Заметив, Арегназан подошла с крыльями в руках к девушке. Не выходя из воды, девушка приблизилась к берегу и начала петь:

О, юноша прекрасный, не шути, верни мне крылья, крылышки мои, дай улететь мне в милые края, что пожелаешь, все исполню я. Я не видала юноши стройней, красивей и наряднее, чем ты, наверное, и сердцем ты хорош, оно твоей достойно красоты. Ну пожалей меня, не уходи, верни мне крылья, крылышки мои, дай улететь мне в милые края, что пожелаешь, все исполню я. Коль ты мужчина, девушкою стань и насладись исполненной мечтой, хочу, чтоб ты всех женщин превзошла в своем роду умом и красотой. Тебя благословляю, но верни, верни мне крылья, крылышки мои, дай улететь мне в милые края, что пожелаешь, все исполню я.

Девушка голубка умолкла, и жалостливо, с нежнейшей улыбкой на устах глядела на Арегназан и ждала, когда та вернет ей крылья.

Арегназан так понравилась мелодия песни, что она подумала: «Не есть бы, не пить, а слушать, как она поет».

- Продолжай, продолжай, спой еще, - попросила Арегназан. - Твоя песня мне очень нравится, ничего подобного мне не приходилось слышать никогда в жизни. Только одно мне непонятно, красивая девушка. Ты сказала: «Если ты юноша, хочу, чтоб стал ты девушкой». Разве это возможно?

Девушка продолжала петь:

Все возможно на свете, и реки воротятся вспять. Если стала ты девушкой, стань же мужчиной опять. Пусть пробьются усы, и закроет лицо борода, огрубеют черты и проляжет на лбу борозда. Ты меняешься, вижу, верни мои крылья, верни. Дай мне в небо подняться, исполню все просьбы твои.

На одно мгновение Арегназан потеряла сознание, потом ее охватило блаженство. Она увидела, что в воде, как в зеркале, отражалось какое-то лицо, похожее на нее, но с усами и бородой. Этот облик сначала показался Арегназан немного чужим, но потом так понравился, что она не могла оторвать от него глаз.

«Это, наверное, я», - сказала она сама себе, - «теперь я действительно Арег».

- Красивая девушка, ты дала мне то, что было моим единственным желанием, теперь ты свободна. Но раз ты смогла совершить это чудо, то, наверное, знаешь, где находится живая вода, ради которой я брожу вот уже сколько времени.

Девушка начала петь:

Пусть восторжествует Нунуфар - до чего жених ее хорош! Наконец, сбылась твоя мечта - девушкой пришла, юнцом уйдешь. Хочешь ты испить живой воды? Так отдай мне крылья, чтоб могла их надеть и в небо улететь, чтобы воду в клюве принесла. Помоги несчастным, помоги, в камни душу вечную вдохни, если хочешь навсегда для нас юношей остаться, как сейчас. А не хочешь, знай, что все равно в камень превратишься и замрешь, как войдешь в окаменевший град и к колдунье старой подойдешь. Ну отдай мне крылья, ну отдай, ну отдай, прошу тебя, прошу, полечу в далекие края и живую воду отыщу.

Из слов девушки Арег многого не понял, но, не желая больше ее задерживать, отдал ей крылья. Надев их, она сейчас же превратилась в голубку и улетела. Не прошло и нескольких минут, как она вернулась с небольшой склянкой в клюве, наполненной живой водой, отдала ее Арегу и снова улетела.

Арег оседлал коня и отправился в путь, разговаривая со своим конем:

- Базик, знаешь, теперь я юноша, я больше не девушка. Раньше я был девушкой, этого никто не знал, может быть, ты тоже не знал. Отец мой наказывал мне, чтобы я никому не говорил, что я девушка, но теперь я стал юношей. Ты этого не знаешь: быть девушкой тоже хорошо, но ей далеко до юноши. Теперь я не знаю, куда еду. Базик, ты вези меня, куда хочешь, мне все равно… Но подожди, я различаю верхушку какой-то башни, это, наверное, какой-то город. Поедем в ту сторону. Я удивительно беспечен, Базик, почему я не спросил у этой мудрой девушки: «О, красивая и мудрая девушка, по какой дороге мне надо вернуться в мою страну?» Хорошо еще, что, не ожидая моей просьбы, она превратила меня в юношу. Не то так и остался бы я девушкой. Разве я мог подумать, что такое возможно? А когда это произошло, почему я не сказал: «Красивая девушка, раз ты превратила меня в юношу, то и Базика моего преврати в человека, а если нет, хотя бы надели его способностью говорить». Ну, что ты скажешь, Базик? «Ничего, ты стал юношей, а я остался конем». Право же, это получилось нехорошо. Порой я так увлекаюсь чем-нибудь, что обо всем остальном забываю. Вспоминаю, когда уже бывает поздно…

Вот так разговаривая с конем и отвечая самому себе, наш Арег направился к башне.

Когда Арег приблизился к высокой башне, постепенно стали вырисовываться другие дома, и перед ним открылся большой город. Он подошел к городским воротам, увидел стоящих там людей и спросил их:

- Братья, что это за город и где здесь можно остановиться приезжему?

Люди не издавали ни звука.

- Я у вас спрашиваю, братцы, не понимаете? Ни звука. «Наверное, они глухие», - подумал Арег, подошел и коснулся их.

- О, небо, - воскликнул Арег, - что я вижу? Это прекрасные скульптуры, а я принял их за живых людей. Каким талантливым скульптором был их создатель!..

Решив, что это и впрямь не люди, а скульптуры, Арег вошел в город, и перед ним открылись новые и новые картины и все из камня. Огромный рынок, магазины и лавки, дома, кошки и собаки, еда и одежда, ковры и всевозможные украшения… все, все окаменело. Ни дыма, ни огня, ни звука, ни души, нет никакого следа и проблеска жизни…

- Только теперь я понял: это тот каменный город, о котором говорила девушка-голубка, - сказал Арег и стал бродить по городу. На каждом шагу встречались новые картины.

В одном месте стоит группа людей, словно беседующих друг с другом, у одного лицо разгневанное, рот открыт, словно он бранит другого, третий смеется, четвертый плачет, женщина с ребенком на руках просит милостыню. В другом месте окаменело свадебное шествие - вот ведут невесту к жениху. Город находился в движении, в нем кипела жизнь, когда он вдруг в один миг окаменел. Продавец взвесил фрукты и уже пересыпал часть в корзинку покупателя, как вдруг все окаменели: и он, и весы, и покупатель, и фрукты.

- Бедные люди, - сказал Арег, - не удостоились даже прахом стать, а превратились в товар для продажи. Действительно, если бы сейчас кто-нибудь смог эти бесчисленные скульптуры увезти в дальние страны и продать, то накопил бы несметное богатство. Вот за ту скульптуру новобрачной девушки, наверное, дали бы золота весом с нее. Но о чем это я? Тот, кто видит воочию это бедствие, может ли думать о богатстве? Вот где богатство предстало перед нами в своем подлинном обличии… Ах, хоть бы кто-нибудь из них обрел речь и рассказал мне, что с ними произошло. Дайка крикну, что будет, то будет.

- Эй, горожане!.. Почему вы окаменели?.. - крикнул Арег.

- Окаменели… - откликнулись эхом все камни.

- О-к-а-м…- вдруг послышался новый голос.

- Вот я услышал голос, - сказал Арег и закричал еще раз:

- Есть ли кто живой?..

- Ой, ой… - отозвался голос.

Арег пошел в ту сторону, откуда доносился голос. Он увидел прекрасный дворец, перед ним обширный сад - все окаменевшие. В небольшом цветнике нашел окаменевшего человека с живой головой.

- Кто ты такой, о человек? - спросил Арег.

- Воды… воды… - ответила голова, едва выговаривая слова.

- Ты хочешь воды?

- Воды… воды… дай… дай…

- Отец, вода вашего города тоже окаменела, воды нет.

- Одну… одну… каплю… каплю…

Чем тебе поможет капля воды? Твою жажду не утолит целый карас. У меня есть несколько капель воды, если удовлетворишься этим, не пожалею для тебя. Да… да… да… Арег достал склянку с живой водой и несколько капель накапал в рот окаменевшему человеку. Живая вода не только полностью утолила его жажду, но и влила животворной силы во все его тело, и человек заговорил:

- Добрый ангел, скажи, ты откуда возник? Уходи, уходи, скройся с глаз хоть на миг. Нет, постой, погоди, за тобой по пятам я пойду, я иду… Посмотри-ка, что там! Человек ожил и начал шагать сначала медленно, затем все быстрее, быстрее, потом побежал, зовя за собой Арега:

- Беги, беги, сынок, следуй за мной. Нам надо бежать, вот-вот должна прийти старая ведьма, которая превратила всех в камень. Иди, иди, войдем во дворец, хоть ты спасись.

Арег растерялся, не знал, что делать, но, в конце концов, последовал за бегущим человеком. Завел коня в помещение, привязал его в темном углу, а сам поднялся наверх к ожившему человеку.

- Я не знаю, что это за чудовище, которого ты так боишься, - сказал Арег.

- Это чудовище - старуха, сынок, это она заколдовала наш город. Каждый день в это время она приходит и любуется своим злодеянием. Сейчас она придет, и, если нас увидит живыми, сразу же превратит в камень.

- Теперь я понял. Но как получилось, что она превратила тебя в камень не целиком?

- Чтобы мучить меня. Я царь этой страны, меня зовут царь Андас. Старая ведьма оставила мою голову живой, говоря: «Я оставляю твои глаза открытыми, Андас, чтобы ты видел ничтожность твоего царства перед моим могуществом, перед моей силой».

- В чем ее могущество, или чем она сильна, не знаешь?

- Ее могущество в ее посохах. Ее посохи повсюду сеют смерть. Она - орудие в руках злых духов. Впрочем, кто знает, может быть, она сама и есть злой дух в обличии старухи?

- А что если отнять у неё посохи, лишить силы?

- Но как к ней подойти? Это могут сделать добрые духи или человек, который пользуется их покровительством.

- Мне кажется, что добрые духи защитят нас, - сказал Арег и рассказал о своей встрече с девушкой-голубкой.

- О, если так, то значит, ты и есть добрый дух, посланный с неба, - воскликнул царь. - Сейчас я могу смело выйти. Когда она набросится на меня, ты сразу же схватишь ее и разоружишь. Вон, вон, смотри, она уже появилась среди облаков, и, оседлав бочку, со змеиной плетью в руках мчится сюда.

- Я вижу, вижу… ты наберись храбрости, не бойся, я с ней рассчитаюсь.

С этими словами Арег ушел в сад и укрылся за окаменевшим стариком. Старуха спустилась на землю перед царем, взяла один из трех посохов и с угрозой сказала:

- Что это такое? Вижу я кого? Кто своей душою оживил его? Поспешайте духи, в полдень или в ночь, мне, старухе бедной, надобно помочь. Отвечай-ка, посох, что ты натворил, как он встал из праха

и заговорил? Я глазам не верю, неужели сплю? Дайка вновь проверю силушку твою.

С посохом в руке старуха набросилась на царя.

- Был ты камнем, Андас, камнем стань и сейчас!

В эту минуту Арег схватил ее за волосы и так швырнул оземь, что она упала полуживая. Царь, который от страха словно вновь окаменел, собрался с духом и подошел к старухе. Они отняли у нее посохи и связали руки и ноги.

- Какое теперь найти тебе наказание, мерзкая старуха? - спросил царь. Старуха ответила:

- Как хотите, осудите, все равно уже. Выбирайте наказанье по своей душе. Нет, не ты, Андас, а дева поборола всех. Та, что доблестным героем стала мне на грех. Выпал мне ужасный жребий, тяжкий, как топор, и начертан в книге духов смертный приговор: если девушка мужчиной станет, так и быть, то моей несчастной жизни оборвется нить.

- О… если это так, то я готов, - сказал Арег, - но ты сначала должна оживить этот город.

Да будет так. Пусть оживет заклятый город и народ, а изобильем злобных чар пусть захлебнется Белиар. Тучи, громыхайте, молнии, сверкайте, родники, вскипайте, реки, убегайте, люди, звери, птицы, пробил час, встаньте, враз!

Едва успела старуха произнести эти слова, как глубокая тишина с грохотом разорвалась и город мгновенно ожил. Каждый тут же продолжил свое недоконченное дело, как будто никогда и не был окаменевшим. Петух, который окаменел во время пения, сразу же допел песню с середины, зурначи, окаменевший с зурной во рту, продолжил свою игру, а танцор, окаменевший с поднятыми руками, стал снова танцевать, повар довешивал мясо, - каждый снова делал свое дело… И ни один человек, кроме царя, не знал того, что когда-то был окаменевшим.

- Что же делать с этой злой старухой? - спросил царь.

- Бросим ее посохи в море, - ответил Арег, - а старуху отпустим, пусть уходит, нет у нее больше силы.

Старуха не пожелала оставаться в живых и сказала им:

- И меня в глубоком море утопите, где поблизости стоит Сандарамет, и меня от смертных мук освободите, Люцифер, избавь несчастную от бед. Тыщу лет была орудьем Белиара, зло творила и не ведала добра. Пусть исполнится его святая кара. Пробил час. Пора.

Старуха еще не кончила говорить, как великий визирь и спарапет пришли и, низко поклонившись царю, сказали:

- Царь-государь, войско готово, ждем приказа твоего величества.

- Зачем же вы собрали войско? - спросил с удивлением царь.

- Мы исполнили твой приказ, противник приближается, надо противостоять ему.

- Постойте, постойте… да, да, я сейчас припоминаю… это было ровно сорок лет назад, в день нашего окаменения… вражеские войска подошли и, увидев нас окаменевшими, в ужасе бежали…

Визирь и спарапет переглянулись и стали шептаться:

- Царь сошел с ума! Да, да, удивительная перемена, ведь только вчера мы были у него, за один день он так постарел…

- Видите эту старуху? - спросил царь. - Это она превратила наш город в камень. Сорок лет подряд он оставался каменным.

Визирь и спарапет кивали головой, будто верят царю, но сами шептались: «Он точно сошел с ума».

- Если бы не он, - продолжал царь, указывая на Арега, - если бы не он, мы бы навеки остались окаменевшими. Это он, чудом превратившийся из девушки в юношу, для которого девушка-голубка достала живую воду, то ли случайно, то ли по велению Неба, пришел и оживил меня своей водой, а эту злую старуху схватил и обезоружил. Теперь уведите старуху и бросьте в море… Визирь и спарапет, отойдя в сторону, снова стали шушукаться.

- Он точно сошел с ума, - утверждал визирь.

- В этом нет сомнений, - вторил спарапет, - он говорит: «Он был девушкой, стал юношей, одна девушка стала голубкой, а сам он, мол, выпил живую воду,

а мы вроде бы сорок лет были каменными. Разве человек в своем уме может говорить такое?»

Сомнение этих людей было естественным. Сорок лет назад визирь сидел за обеленным столом и окаменел с ложкой в руке, а сегодня донес эту ложку, до рта и, доев свой суп, пришел к царю. Спарапет окаменел, когда, вдев ногу в стремя, хотел вскочить на коня, а сегодня он оседлал коня и приехал сюда. Как же могли они вообразить, что долгие годы были обращены в камень?

- Знаешь, что, царь? - тихо сказал Арег. - Эти люди не верят тебе и считают, что ты сошел с ума. Это очень опасно, они могут действительно объявить тебя сумасшедшим и лишить престола. Теперь ты смотри, что я буду делать.

Затем обратился к визирю и спарапету и сказал:

- Идите, господа, идите, не сомневайтесь, поглядите, как злую ведьму накажу, не пощажу.

Сказав это, он взял один из волшебных посохов и подошел к старухе:

- По веленью Белиара, Уриела, Садаела стань, старуха, камнем, камнем…

Сказал и ударил посохом. Старуха превратилась в ослицу и стала реветь.

- Вот тебе на! - воскликнул Арег.- Видно, каждый из этих посохов обладает особой силой. А может, я проклинаю по ослиному, и своим ревом старуха смеется надо мной? Попробуем второй посох.

- Грозным мечом Садаела, великой темницею Тартара, проклинаю тебя, проклинаю, стань камнем, старуха, камнем…

Старуха превратилась в черного ворона и захотела улететь, но ноги ее были связаны…

- Погодите, попробуем третий посох.

Он взял третий посох и стал осыпать старуху еще более страшными проклятиями:

- Каменный город, кровавый дождь, сизый туман, ужас и дрожь, мрачные сумерки, трус земляной, мор, гром и молния, огненный зной, адский потоп да настигнут тебя, старая ведьма, злая судьба.

Я ударяю тебя не перстом - палкой, дубиной, хлестким кнутом, молнией звездной, скользкой змеей, стань же, проклятая, камнем-скалой!

Сказал и ударил посохом, и старуха превратилась в каменное страшилище.

Затем Арег обратился к визирю и спарапету:

- Лето припекает, зноем сушит губы, только вы, бедняжки, кутаетесь в шубы, ведь зимой холодной вы окаменели, и совсем озябли, ни кровинки в теле. Вы гонца пошлите в ближнее село, пусть соседи скажут, сколько лет прошло. Если ж не хотите, с мыслями прощайтесь и в ослов безмозглых сразу превращайтесь, или, как вороны, разлетайтесь каркать, чтобы ненароком не пришлось вам плакать. А иначе верьте, не дрожите зря, ласковому слову вашего царя.

- О, теперь я верю, - сказал визирь. - Действительно, была зима, а сейчас… - лето, да, лето…

- Я тоже верю, я тоже… Я не хочу стать ни ослом, ни вороном, а окаменеть и вовсе нет желания… И правда, как сегодня жарко, еще немного и я сгорю…

- Государь, наш царь, обед готов, царица вас ждет, - сказал один из придворных, низко кланяясь, царю.

- Пойдемте пообедаем, - сказал царь. - Вот уже сорок лет, как не было у меня во рту ни крошки, но, по правде говоря, я и не чувствовал голода. Только иногда меня очень мучила жажда, и она усилилась еще больше, когда я услышал голос Арега. Видимо, жажда у меня возникла тоже по воле Бога, через нее я должен был обрести свое спасение…

Царь Андас хорошо накормил как Арега, так и его Базика. Арега оставил у себя гостить двадцать дней. За это время приезжали послы многих царей и поздравляли с возрождением царя Андаса и его города.

Когда на город свалилось это ужасное бедствие, тысячи его жителей, которые находились в это время в чужих краях, из страха там и остались. Теперь они вернулись в окружении многочисленных детей и внуков, а ведь сорок лет в городе никто не рождался.

Узнав, что Арег - это тот добрый ангел, который победил зло и возродил жизнь там, где зло посеяло смерть, новоприбывшие оказывали ему почести, достойные бога, устраивали пышные угощения. Царь и сам устроил великий пир, на котором присутствовали тысячи людей. Сам задавал тон в веселье, сам предлагал тосты. Когда пили за здоровье Арега, царь поднял чашу и сказал:

- Кем вчера мы были? Кто же мы сейчас? Объясни несчастным, мудрый царь Андас.

- Были мертвым камнем в скопище камней, а теперь вы люди средь живых людей. Боже мой, как просто, если б не кошмар - сорок лет томиться в муках злобных чар, в каменной темнице, где спасенья нет… Кто узнал такое, проживет сто лет. Из когтей жестоких, гибельных когтей и несокрушимых каменных цепей вырвал наши души бескорыстный друг, светоч нашей жизни - благородный дух! Вот он, благодетель, чудо-человек, вот он, победитель, доблестный Арег! Скорбь мою и слезы обратил он в смех. Выпьем за здоровье лучшего из всех!

При этих словах царя тысячи голосов, сотрясая дворец, закричали: «Да здравствует Арег!». Ашуги же, которые ждали лишь знака царя, заиграли на многострунных лирах и в один голос запели, славя Арега:

Прилетай, соловушка, нет на свете зла. Радуйся, соловушка, роза расцвела, наша государыня розой расцвела. С неба ясным солнышком снизошел Арег, разом камни ожили, и растаял снег. Нет на свете зла - роза расцвела. Прилетай, соловушка, нет на свете зла. Радуйся, соловушка, роза расцвела, наша государыня розой расцвела. К нам на землю юношей солнце снизошло, не закатной милостью дарит нам тепло. Прилетай, соловушка, нет на свете зла. Радуйся, соловушка, роза расцвела, наша государыня розой расцвела.

Ашуги еще долго продолжали бы восхвалять Арега, если бы он из скромности не прервал их ответной речью:

- Я слабый человек, простое существо, не стоит затевать пустое торжество. Ни славы, ни наград, ни почестей иных Арег не заслужил и проживет без них. Заискивает лев, как пес, передо мной, и ящеркой вишап петляст под ногой, и

серебристый ключ в сухой скале кипит, а вековая топь ссыхается в гранит. Арег не заслужил того, что совершил, он из небесных рук земное счастье пил. Благие небеса должны мы восхвалять и, голову склоняя, как старших, почитать за то, что им одним дано судьбу вершить, так будем только их вовек благодарить.

Чтобы возблагодарить небо за свое спасение, жители города, несмотря на скромность Арега, решили обессмертить его деяния.

Видя, что страшной каменной старухи боятся дети и многие взрослые, бросили ее в море. Она упала прямо в ад и своим падением вогнала весь ад с его бесчисленными злыми духами в глубь моря еще на несколько тысяч верст…

Затем собрались все архитекторы и художники города, нарисовали портрет Арега верхом на Базике и вылили скульптуру из золота. Эту скульптуру установили в центре города в большом саду, любимом месте прогулок жителей, особенно детей, которые играли рядом с памятником и восторженно смотрели на него. Арег не видел своей скульптуры, к этому времени он уже уехал. Ему приснилось, что Нунуфар умирает, и он поспешил вернуться, чтобы спасти ее.

Нунуфар была при смерти. На нее уже не действовали ни балагурство шута, ни забота жены визиря, ни мольбы и стенания отца. Она уже не говорила, не могла двинуть рукой. Неотрывно смотрела вверх, то ли ждала своего спасения с Неба, то ли хотела поскорее вознестись на него. Царь и все придворные в отчаянии смотрели на Нунуфар, бессильные чем-либо помочь ей.

В эту горестную минуту сообщили, что приехал Арег. Служанка Нунуфар раньше всех побежала к Арегу и, прося его поспешить, сказала:

- Беги скорее, она умирает, ждет не дождется тебя.

- Иду, иду,- ответил Арег,- сейчас приду к твоей госпоже…

Арег прошел мимо безмолвно стоявших вокруг Нунуфар придворных, подошел к ее ложу, достал склянку с живой водой, капнул на вату и протер мертвенно-бледные губы царевны.

Глаза Нунуфар прояснились. Арег заметил это и несколько капель влил ей прямо в рот. Нунуфар двумя руками закрыла лицо… Она увидела Арега и… узнала его. Она почувствовала, прилив новой жизни, жизни большой, полнокровной, расцвеченной воображением, закрыла лицо руками, чтобы сполна вкусить радость и восторг этой минуты. «Арег приехал,» - говорила она сама себе, закрывая лицо двумя руками, как двумя щитами, чтобы не уступить места другим впечатлениям. «Арег приехал,» - повторила она, - «и я здорова, совершенно здорова и… Я чувствую, чувствую, что я здорова… Я видела его, в эту минуту он стоит рядом со мной. Я чувствую его живое дыхание. Его лекарство дает жизнь, бессмертие. Он сам бессмертный Дух. Как он повзрослел, как возмужал, какие пушистые усы, курчавая борода!.. Открою лицо, посмотрю еще раз…»

Нунуфар открыла лицо, посмотрела на Арега таким взглядом, каким смотрит мать на своего малыша, когда он произносит первые слова, и снова закрыла глаза. Этот нежнейший взгляд ожившей души заметили все и, словно сговорившись, радостно рассмеялись. Нунуфар также расхохоталась, словно ждала какого-то повода, чтобы посмеяться досыта. Когда это увидели придворные, еще минуту назад находившиеся чуть ли не в трауре, они успокоились и кинулись поочередно обнимать и целовать Арега. Царь заключил его в объятия и стал всхлипывать, как ребенок. Радость царя была безгранична. В одно мгновение он вновь обрел двух своих детей: без вести пропавшего Арега и уже умирающую дочь. У всех текли слезы радости и умиления.

Воспользовавшись общей суматохой, Нунуфар, как птица, вспорхнула с места, побежала в другую комнату, быстро переоделась, принарядилась, надела достойные царевны украшения, и вновь вернулась, такая веселая и жизнерадостная, что все были восхищены. Конечно, больше всех был ошеломлен Арег, для которого взошло новое солнце.

Если Арег в одно мгновение воскресил Нунуфар, то теперь Нунуфар своей красотой затронула такие тонкие струны сердца Арега, которых до этой

минуты никто не касался. Арег ощутил в себе прилив новой жизни, какого-то неведомого бесконечно приятного чувства, но сам себе не мог отдать в этом отчета и, чтобы сдержать это странное для себя волнение, начал говорить так, словно лишился разума:

- Я не чувствую себя, я уже не я. Что со мною? Где же я? Кто спасет меня? Ты, Голубка, унесла мой девичий лик, и на месте том Арег доблестный возник. Ты в беспамятство меня ввергла, как в обман, и столкнула в бездну вод тень Арегназан. Сладким пеньем усыпив мой несчастный слух, ты героя привела на цветущий луг. Присутствующие слушали, опешив, и ничего не понимали из слов Арега.

- Жаль, бедный парень, видно, лишился рассудка, - говорили многие.

Наконец Нунуфар подошла к Арегу и жалобным голосом сказала:

- Свет очей моих, что случилось вдруг? Отчего твой взгляд, как звезда, потух? Я дурна лицом? Не гневись, уйду, ввек не омрачу ясную звезду. Как люблю тебя, знают небеса, но не подают сверху голоса. Видно, не хотят, чтоб узнал меня, а другою стать не сумею я. Черный день настал, неурочный час, горькая судьба разлучает нас.

- Ты куда, постой, бредишь наяву? Без тебя и дня я не проживу. Пусть сольются твердь, воздух и земля, я - навеки твой, ты - навек моя. Повидал я мир, дальние края, на красавиц всласть нагляделся я, но такой, как ты, нет на свете, нет, ты - дитя небес, несравненный свет. Ты навек моя, ангел Нунуфар, жизнь мою прими, бескорыстный дар. Что ни попроси, все исполню вмиг с дорогой душой, свет очей моих. Я совсем не тот, кто тебя пленил, он пропал, как сон, след его простыл.

- Если так, уйди, ты - жених чужой, подарил мне жизнь, расплачусь душой.

- Жизни нет цены, слишком хороша. Ты одна мне жизнь, сердце и душа.

- Не осталось сил верить и терпеть. Без Арега мне лучше умереть.

- Нет, не умирай, Я Арег, Арег, не чужой - другой, но родной навек.

- Как другого мне полюбить опять?

- Этого и мне, видно, не понять…

- Подождите, подождите, я положу конец вашему спору, - сказал царь.

- Арег, скажи мне, душа моя, чей ты сын?

- Когда-то я был сыном князя Армана, но теперь не знаю - я все еще его сын, или кто-то другой?

- Вот этого твоего ответа мы и не понимаем, но тебя знаем хорошо. Ты наш Арег, тот же красивый Арег, прибавились лишь усы и борода.

- Подожди, подожди, сват-царь, - вмешался шут. - Поздравляю тебя, приехал твой зять, но от радости потерял себя, и теперь ищет, не может найти. Братец Арег, давай заключим с тобой договор: я стану «ты», а ты стань «я», а затем Нунуфар станет «моя», а дурак – «твой». Согласен ты?.. - сказал шут и начал петь:

До чего я глуп, нет глупей глупца, все равно умней этого юнца. Если бы меня девушка нашла, я б ей не сказал будто я не я. Ярайлали, шарайлали, айда, дурак, пляши…

Пока шут песней и танцем развлекал присутствующих, вошел Арман. Арег, как только увидел отца, подбежал, обнял его и после нескольких радостных слов, стал шептать ему на ухо:

- Знаешь, отец, сейчас я уже юноша, юноша, настоящий юноша, представляешь?

- Конечно, ты юноша, душа моя, кем же еще ты должен быть?..

- Но ведь, отец, ведь…

- Ты и раньше был юношей, душа моя, но этого ты не знал, ты только сейчас познал себя, раньше ты был невинным как ангел, а теперь ты стал настоящим мужчиной…

- О, если это так, значит я - это я, побегу скажу Нунуфар…

Арман подошел к царю и рассказал ему о сути происшедшего, а Арег побежал к Нунуфар.

Когда Арег подошел к Нунуфар с еще более веселым и радостным лицом, Нунуфар взяла его за руку с такой нежной улыбкой, что Арег чуть снова не лишился рассудка.

- Ты наш Арег, не правда ли? - спросила Нунуфар.

- Конечно, душа моя, кем же еще я должен быть? - ответил Арег.

- Значит, мы не разлучимся друг с другом. Если бы ты знал, как я измучилась от тоски по тебе… Теперь ты приехал и вдруг говоришь: «я это не я». Но кто же ты, если не ты?..

- Нет, нет, теперь я - это я, дурак умнее меня… пойдем преклоним колени перед царем, чтобы он благословил нас… Но погоди, я не спросил отца, где же мои сестры.

- Они здесь. После твоего отъезда я распорядилась привезти твоих родных, чтобы утолить тоску по тебе. Я уже послала за ними, они вот-вот придут…

- Как же я счастлив, что ты оказалась так добра!.. Значит, не надо спешить, пойдем переоденемся. Лишь сейчас вспомнил, что от царя Андаса я привез свадебный наряд и для тебя, и для меня. Он подарил этот наряд и попросил, чтобы мы надели его во время нашей свадьбы, на которой, по его словам, будет присутствовать его душа. Я не принимал его дара, потому что тогда не мог представить сладость этой минуты. Многое я видел, расскажу тебе позже. Не видел я лишь такого дивного создания, как ты… Как ты красива, Нуник!..

Вот так разговаривая, взявшись за руки, вышли Арег и Нунуфар. Через несколько минут перед глазами предстала волшебная картина. Просторный зал дворца заполнили мужчины, женщины в роскошных нарядах. Здесь же были сестры Арега. Когда в зал вошли Арег и Нунуфар, облаченные в подаренные царем Андасом одеяния, лучи несметных драгоценных камней подобно восходящему из пурпурного моря солнцу осветили разноцветными огнями весь зал. Они опустились перед царем на колени, чтобы он благословил их.

Несколько минут царь не мог говорить, едва сдерживая слезы радости, наконец благословил новобрачных:

- О, небеса, обитель звезд, я телом слаб, душою прост, и я не ведаю, где зло, где правда, где добро. Но верьте сердцу моему, а не словам моим, и мерой высшего добра воздайте счастье им. Все, что хорошего у вас за пазухой лежит,

что не давалось никому, пусть им принадлежит. Вы щедро одарили нас от века посейчас: румяным солнцем, ветерком, живительным дождем и звездами, что в поздний час сверкают ярче глаз, благоуханной тишиной, жемчужною росой, ключом студеным и рекой, играющей волной, великолепием цветов и тяжестью плодов, лесами, что покой хранят, полями, что родят, прохладой неприступных гор и чистотой озер, ущельями в тени теснин, просветами долин. О, небеса, иных щедрот не просит человек. Живите и сияйте нам отныне и вовек!

Едва закончилось благословение царя, зал озарился каким-то необычным светом. Взошла радуга невиданная, чудесная, яркая. Кто мог это рассказать, какое перо могло это описать, какая кисть могла это изобразить? Все смотрели на радугу и видели, как постепенно, словно из воздуха, составляются ее цвета и, быстро бегая, неземные пальцы ткут новую радугу, ткут в небе свадебную многоцветную радугу Арега и Нунуфар. И действительно, эта радуга, казалось, сияла над залом очень высоко и далеко. И вот когда вся радуга была полностью соткана, по ней, как по лучезарной лестнице, спустились девять небесных цариц - каждая точь-в-точь солнце - в платье, сотканном из звездных лучей и белоснежных облаков. Но какое солнце! Если бы был день и наше светило видело бы их, оно закрыло бы лицо пеленой из облака, отступило бы перед их сиянием.

Все небесные девы несли в руках по два венце образных букета. Эти букеты были из росы и аромата душистых красочных цветов, либо из кристаллизованных алмазов прозрачных родников, либо из благоуханного зефира и освежающей прохлады, либо из разноцветных частиц солнечного сияния… Своими белоснежными пальцами девы собрали в букет всю красу природы. Зал был объят живительным благоуханием этих букетов. Первыми подошли к Арегу и Нунуфар Река, Росинка и Фиалка, и, протягивая им свои венки, сказали:

РЕКА

Я - журчащая река, я вплела свой голосок, брызги, свет и ветерок в этот свадебный венок.

РОСИНКА

Я - алмазинка дорог и жемчужинка лугов, травка, мак и василек украшают мой венок.

ФИАЛКА

Я - фиалка, дар весны, первой нежности цветок, всех соцветий аромат источает мой венок.

Так подходили и другие и дарили свои венки Арегу и Нунуфар. Это видение навеяло на присутствующих грусть, все как бы оцепенели. Больше всех загрустили девушки. Их красота померкла, потускнела, поблекла перед красотой ангелов. Юноши потеряли рассудок, от их уверенности не осталось и следа. Один лишь Арег был весел, один он не поддался этому всеобщему оцепенению. Чтобы пробудить всех от этой душевной дремоты, Арег обратился к лучезарным гостям:

- О, небесные царицы, вы своим милостивым появлением чрезвычайно меня обрадовали. Но посмотрите, в какое оцепенение, в какую грусть погружены все. Не удивляйтесь. Мы, смертные, так хрупки и немощны, что не умеем наслаждаться чрезмерным добром, чрезмерной красотой. Мы - существа, лишенные вкуса к истинному добру и красоте. Вдохните в наши сердца возвышенное чувство и великую силу, чтобы мы могли сполна вкусить ваше небесное очарование. Прошу вас смеяться и веселиться на моем свадебном торжестве и радовать всех своей небесной радостью.

Оказалось, что наши лучезарные девы, хоть и обрели плоть, были чрезмерно скромными, застенчивыми и робкими, их надо было приободрить. Слова Арега придали смелости Фиалке, она вышла вперед и, как заводила, затеяла танцы. Радуга, подобно небесной хрустальной арфе, запела, ее тысяче цветные струны затрепетали, и полилась такая музыка, которая зажгла в людях и даже в ангелах пламя веселья. Каждый от безграничной радости словно обрел

крылья для полета. Плясали даже старики, смеясь над медлительностью молодых. Постепенно все разгорячились, шутили и развлекались на все лады. Росинка и Река так весело шутили, что все обессилели от смеха.

Танцуя с Росинкой, Арег вдруг посмотрел на нее пристальным взглядом и зашептал:

- О, скромная, лучезарная дева, я, кажется, знаю тебя… Да, ты мне знакома, но я не уверен, боюсь ошибиться.

- Не ошибаешься, Арег, - ответила Росинка,- я и есть та самая…

- Девушка-голубка?

- Да. А все они мои сестры…

- О… ты моя богиня… ты меня создала заново…

- Нет, Арег. Я просто знала, что ты ничего не ведаешь о себе. Все это происходило по воле моей матери Баренан. У нее не было иной возможности стереть злую старуху с лица земли. Нужна была такая, как ты, невинная и чистая душа, которая даже не знала, кто она, - девушка или юноша. Когда ты в озере увидел свое лицо, увидел, что ты юноша, это показалось тебе шуткой, которую я сыграла с тобой так же, как ты сыграл со мною шутку, спрятав мои крылья. Лишь сегодня вечером ты почувствовал, что ты мужчина. Ты обвинял меня, бранил, мы тайком смотрели на тебя и смеялись…

От этих слов Арег впервые испытал чувство стыда и покраснел, как роза. Он хотел перевести разговор на другую тему, но в это время с противоположной стороны раздался такой громкий смех, что все обратили свое внимание туда. Беседовали Заназан и Зарманазан: одна с сыном визиря, другая - с сыном спарапета. Фиалка давно заметила, что они приглянулись друг другу и хотели бы пожениться, но стеснялись заговорить об этом.

- Новая любовь, новая радость, - воскликнула Фиалка с громким смехом и, потащив невест к царю, сказала:

- Одной свадьбы мало, празднуйте сразу три. Царь и Арман их благословили. Росинка возложила венец на Нунуфар, Фиалка - на Заназан, а Река - на Зарманазан. Обряд свадебного благословения совершил царь под аркой

радуги, которая придавала этому роскошному празднеству еще больше пышности. Царь возложил свою корону на голову Арегу - он и обвенчал его и одновременно сделал царем.

После этого девы-ангелы поздравили новобрачных и приготовились уйти. Им поднесли много сладостей и медовой воды, но ангелы даже не прикоснулись к ним. У них были напитки, принесенные с собой. Они выпили сами и напоили новобрачных, которые, однако, не оценили их. Одному Арегу был дан дар оценить небесный вкус этих напитков. Под конец все стали в круг, и пока ангелы поднимались по радуге-лестнице, произнося слова прощания, собравшиеся желали им доброго пути и пели:

В добрый путь, красавицы, ждем от вас вестей, наши вы заступницы, ангелы полей. Превеликой милостью, чудом из чудес вы в девичьем образе снизошли с небес. Как истосковались мы на земле без вас, навсегда остались бы… С богом, в добрый час!

Как только девы-ангелы исчезли, появился шут, и началось новое веселье.

- Сват-царь, пусть будет вечен очаг твоего отца… поели, выпили досыта… - сказал шут и начал петь:

Ах, царь-государь, как тебя поздравить? Нет ни хлеба, ни вина, нечем счастье славить. Что за свадьба, не пойму, отчего да почему… Ярайлали, шарайлали, что за свадьба, не пойму.

- И в самом деле, - сказал царь, - ведь мы ничего не едим и не пьем. Мы забыли обо всем, потому что потеряли рассудок, все, кроме шута, которому нечего было терять…

- Ты ошибаешься, царь, - ответил дурак, - я видел, что все вы отняли у меня мой кусок хлеба, и велел накрыть богатый стол, чтобы не остаться голодным.

С этими словами шут распахнул дверь в зал, где действительно был приготовлен роскошный ужин. Гости вслед за царем попарно направились к столу. Увидев, что он остается один, шут подбежал к знакомой нам вдове визиря и, склонив перед нею голову, спел:

Кому хватает ума, тому не везет в любви. Кому хватает любви, на хозяина не везет. Но всех глупее бедняк, что друга себе не найдет. Давай поклянемся с тобой, прекрасная госпожа, что я, мол, навеки твой, а ты - навеки моя.

Сказав это, шут взял госпожу за руку и вместе с другими вошел в гостиную.

На следующее утро началось свадебное торжество для горожан и крестьян, и продолжалось оно сорок дней и сорок ночей.

Было так весело, что каждый день пролетал как минута. Какие были игры, какие пляски, состязания и тысяча, и одна забава…

Еды и питья было несметное количество. Закололи десять тысяч одних быков и коров, двадцать тысяч овец, а еще и диких животных - оленей, ланей, кабанов, да еще птиц, как домашних, так и диких. На плов ушло сорок тысяч мер риса, а сколько на это пошло масла, сколько изюма… Было выпито пятьдесят тысяч карасов одного лишь вина, не считая других сладких и горьких напитков…

Через сорок дней Арег с Нунуфар совершили небольшое путешествие по озеру Ван. Когда они доплыли до самого глубокого места, Арег достал колдовские посохи злой старухи, которые были закалены адским огнем, и сказал:

- Провалитесь, посохи, в бездну без следа! Наважденья злобные, сгиньте навсегда! Чтобы сила черная больше не могла человека бедного превратить в осла. Пропадите начисто, чтоб не стал вовек камнем или вороном добрый человек. Пусть в природе царствует правды торжество пусть над нами властвует только божество!

Сказав это, он бросил посохи в воду и тем самым уничтожил могущество злых духов. И вот в это время с неба упало ТРИ ЯБЛОКА.

Небеса услышали голос молодой, сбросили три яблока с ветки золотой. Первое – зеленое листьев зеленей, а второе - алое, розы розовей, ну а третье - белое, как зимою снег.

Нунуфар воскликнула:

- Что это. Арег?

Почему у яблок разные цвета? Это так случайно или неспроста?

- Право, я не знаю, свет моих очей, может, это символ нашей жизни всей? Яблоко зеленое - детство и весна, белое, сухое - старость, седина. А вот это спелое, алое, как кровь, - зрелость, совершенство и сама любовь.

Нунуфар сказала:

- Раздели его, алое, пожалуй, мне милей всего.

И они вкусили чудо красоты, наяву свершили лучшие мечты. Юные красавицы, храбрые сердца, как мои герои, бейтесь до конца, чтоб достигнуть цели, не жалейте сил, а меня простите, если скучен был. Я для вас старался, вам любви хотел, рассказал, что знаю, больше не сумел. Думал, прочитают сказку до конца и добром помянут бедного певца.